

Вячеслав Кондратович

ЮРОДИВЫЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Нет, пожалуй, в современной мировой литературе имени более бесспорно спорного и одновременно спорно бесспорного, чем имя французского писателя Луи-Фердинанда Селина (1894–1961). И действительно, у одних его книги вызывают фанатичное преклонение, у других, напротив, столь же категоричное неприятие. Мне случалось встречать как во Франции, так и у нас людей, которые после первого прочтения Селина утратили интерес ко всей остальной литературе. Воздействие, оказанное его творчеством на сознание многих современных западных писателей, сопоставимо разве что с эффектом, который произвели в свое время публикации на Западе книг Достоевского. Генри Миллер, например, сравнивал свое первое впечатление от знакомства с романами Селина с шоком и до конца жизни сохранял свое преклонение перед ним. Он считал, что влияние, оказанное Селином на французскую литературу, можно сравнить только с влиянием Артюра Рембо, да и то весьма приблизительно. Он посылал ему восторженные длинные письма, которые, впрочем, в большинстве своем так и остались

без ответа — сам Селин довольно пренебрежительно отзывался о Миллере, называя его творчество «пустой болтовней»*. Для американских битников Селин был одной из трех культовых фигур современной литературы (наряду с Жене и Арто), которым, по их мнению, удалось «преодолеть литературу» (а в их устах это высший комплимент)**. Известно, что Жан-Поль Сартр взял эпиграфом к своему знаменитому роману «Тошнота» цитату именно из Селина (кстати, в то время куда более знаменитого). Это обстоятельство не помешало ему в послевоенные годы принять самое активное участие в травле Селина. Последний же постоянно обвинял Сартра в эпигонстве и плагиате. Не берусь судить, насколько были справедливы их взаимные обвинения. Одно можно сказать определенно: при всем своем демонстративном экстремизме Сартру удалось прожить жизнь куда более успешную и благополучную, чем та, которая выпала на долю Селина. Из негативных отзывов достаточно характерным является отзыв писателя Клауса Манна (сына Томаса Манна), который называл Селина «злобным сумасшедшим», хотя и с оговоркой, что тот «тоже одарен»***.

Не менее противоречивыми являются и суждения окружающих по поводу политических взглядов

* См.: Lettre inédite de Céline au pasteur Lochen. — Francois Gibault. Céline. Délires et persécutions. 1932–1944. Mercure de France, 1985. P. 56. (Здесь и далее примечания автора.)

** См.: Jack Kerouac. Sur Céline. — Cahier de l'Herne. Céline. Ed. de l'Herne, 1963. P. 205.

*** См.: Клаус Манн. На повороте. М., «Радуга», 1991. С. 454.

Селина. Широко известен тот факт, что Селин основательно запятнал свое имя в глазах «прогрессивно настроенной общественности», опубликовав в свое время три расистских памфлета, причем не когда-нибудь, а в период с 1937 по 1941 год. Памфлеты представляли собой увесистые тома (около 400 печатных страниц каждый) и имели весьма характерные названия: «Безделицы для погрома», «Школа трупов» и «Попали в переделку». Что ж, как говорится, «из песни слова не выкинешь». К тому же их содержание с некоторых пор во Франции снова стало достоянием широкой публики. Несмотря на наложенный вдовой писателя запрет, несколько лет назад было предпринято их пиратское переиздание, повлекшее за собой шумное судебное разбирательство.

И все-таки, не желая кого бы то ни было оправдывать (хотя бы потому, что не чувствую себя вправе это делать), хотелось бы привести один эпизод, связанный с публикацией памфлета «Попали в переделку», который описывает Жак Бреннер в своей книге «Моя история современной французской литературы». Этот эпизод, мне кажется, позволяет лучше почувствовать природу таланта Селина: «Я вспомнил об одном вечере, проведенном у моего друга Франсиса Поля весной 1941 года. Селин только что опубликовал новую книгу «Попали в переделку», посвященную «веревке без повешенного». Он смеялся в ней над поставленной на колени Францией и ни на секунду не скрывал своего антисемитизма. Мы прочли несколько страниц вслух (моим друзьям не было тогда и двадцати лет), и каждый из нас шептал вполголоса: «Это

гадко, как это гадко». Потом вдруг, я не помню, в каком точно месте, мы вдруг начали безумно хохотать. Мы перестали принимать Селина всерьез и готовы были поздравить его с талантом очернителя. Но лишь в узком кругу друзей. Все пришли к единому мнению: публикация такого памфлета непростительна»*. Эта же причина, возможно, побудила известную антифашистку Марию-Антоньету Мачиоки, несмотря на ее антифашистские убеждения, назвать Селина «самым гениальным из всех фашистско-нацистских писателей». Более того, в любви к Селину признавались люди порой самых что ни на есть левых убеждений. О битниках я уже говорил; во время студенческой революции шестьдесят восьмого года во Франции имя Селина опять было поднято на щит... Что касается «нацистско-фашистских» убеждений Селина, то до сих пор не обнаружено каких-либо конкретных фактов, свидетельствующих о сотрудничестве Селина с фашистскими властями, кроме вышеназванных памфлетов, которые до сих пор остаются единственным реальным «темным» пятном в его биографии. В то же время не следует забывать, что даже такой известный своими правыми взглядами писатель, как Эрнст Юнгер, сам писавший в тридцатые годы пронацистские статьи, будучи офицером Вермахта и находясь в составе оккупировавших Париж немецких войск, был крайне напуган поведением Селина в то время. Юнгер впоследствии описал

* Цит. по: Жак Бреннер. Моя история современной французской литературы. М., Высшая школа, 1994. С. 124.

Селина в «Дневниках 1941–1943 годов» и «Дневниках 1943–1945 годов» (там он выведен под именем Мерлина), охарактеризовав его как человека, являющего собой «крайне опасный тип человека-нигилиста»*. Один американский журналист, чье имя теперь никому ничего не говорит, встретившись с Селином уже незадолго до его смерти, заявил, что «Селин — это чудовище». Список подобных, столь же противоречивых, высказываний о личности Селина и его взглядах можно было бы значительно продолжить. Лично мне кажется наиболее удачным не помню уже кем оброненное определение Селина как «правого анархиста». Сочетание этих двух взаимоисключающих понятий, пожалуй, лучше всего отражает парадоксальность его воззрений на этот, привыкший к жестким определениям и «ярлыкам», мир.

Луи-Фердинанд Детуш, а таково было настоящее имя Луи-Фердинанда Селина, родился в 1894 году в пригороде Парижа Курбвуа, в семье буржуа средней руки: его отец был мелким служащим, а мать торговала в лавке своих родителей. Семья была достаточно благополучной. Селин получил приличное образование: некоторое время провел в Германии, потом в Англии, обучаясь там в пансионе. Внешне факты этого периода его биографии вступают в явное противоречие с теми жутковатыми гротескными картинками, которые рисует сам Селин в романах

* Об этом см. также: Ernst Junger. Tagebuch I (1941–1943), Tagebuch II (1943–1945); Жак Бреннер. Моя история современной французской литературы. М., Высшая школа, 1994.

«Смерть в кредит» и «Банда Гиньоля», посвященных своему детству. Причем автобиографичность этих произведений и наличие практически у всех их персонажей реально существовавших прототипов ни у кого не вызывает сомнений. Это обстоятельство часто вызывает недоумение у исследователей творчества Селина, но таковы уж, видно, были особенности его восприятия действительности. В конце концов, реальность каждому открывается такой, какой он ее видит.

А вот дальнейшая жизнь Селина складывается уже далеко не столь благополучно, даже внешне. Различных напастей и бед, обрушившихся на его голову, хватило бы, пожалуй, на несколько жизней. Участник Первой мировой войны, он получил тяжелое ранение в голову в сражении при Поэлькапель. Последствия этого ранения еще долго давали о себе знать — сильные головные боли преследовали Селина всю жизнь. За участие в боевых действиях Селин получил несколько боевых наград, в том числе и Военный Крест. Кстати, героем Первой мировой войны был и Маршал Петэн, который командовал французскими войсками в знаменитом сражении под Верденом и с которым судьба по злой иронии сведет Селина в конце Второй мировой войны уже при совсем других обстоятельствах.

После окончания войны, в июне 1916 года, он едет работать по контракту в Африку — к этому времени относятся его первые литературные опыты. Через полгода он, не выдержав жутких условий жизни, разрывает контракт и возвращается в Париж. Потом переезжает в Ренн, где 10 августа 1919 года женится

на Эдит Фолле и начинает учебу в Реннской медицинской школе под руководством своего тестя, который был директором этой школы и членом-корреспондентом Академии медицинских наук. 15 июня 1920 года у молодых супругов рождается дочь Колетт, единственный ребенок Селина. После окончания школы доктор Детуш с семьей переезжает в пригород Парижа и устраивается работать в больнице. Он занимается научной работой, пишет диссертацию, много путешествует, какое-то время снова работает в Африке (в Нигерии и Сенегале). В 1926 году он расстается со своей женой Эдит и сходится с двадцатитрехлетней американской танцовщицей Элизабет Крейг. Все эти события нашли в дальнейшем отражение в его первом романе «Путешествие на край ночи». Вышедший в 1932 году роман имел, можно сказать, оглушительный успех и почти сразу же был переведен практически на все языки, в том числе и на русский. С этим романом связан и один из самых шумных скандалов в литературной жизни Франции XX века, отголоски которого не утихают и по сей день. В 1932 году жюри комитета Гонкуровской премии присудило эту самую престижную во Франции премию не Селину, как того ожидали практически все, в том числе и он сам, а ныне практически забытому писателю Ги Мазелину за роман «Волки». Это решение, оставившее без внимания одно из ключевых произведений литературы XX века, во многом определившее ее дальнейшее развитие (пожалуй, не в меньшей степени, чем книги Джойса, Кафки или Пруста), до сих пор остается образцом саморазоблачения циничной закулисной возни, сопровождаю-

щей присуждение всевозможных литературных премий. Для самого же Селина это решение сказалось главным образом не на его славе, а на материальном положении; денежные затруднения сопровождали его до конца жизни, побудив однажды с горькой иронией заметить: «Если бы мне дали Нобеля, мне было бы чем заплатить за электричество».

Драматично сложились отношения Селина и с русской литературой. В двадцатые-тридцатые годы Советский Союз начал активную пропагандистскую кампанию, целью которой было продемонстрировать всему миру достижения Октябрьской революции. Многие западные интеллектуалы получили приглашения посетить страну Советов. Пожалуй, больше всего деятелей культуры приехало из Франции. В 1920-е годы Советский Союз посетили Ромен Роллан, Эдуард Эррио, Поль Вайян-Кутюрье, Жорж Дюамель, Анри Барбюс; в 1930-е — Андре Мальро, Луи Арагон, Андре Жид, Шарль Вильдрак и др. К началу 1930-х Селин находился в прекрасных отношениях с Луи Арагоном, который упорно убеждал его посетить Советский Союз, дабы своими глазами убедиться в правильности выбранного русскими пути. В 1934 году в Москве выходит перевод романа Селина «Путешествие на край ночи», осуществленный женой Арагона Эльзой Триоле. Хотя, по мнению биографа Селина Франсуа Жибо, перевод на самом деле выполнил неизвестный московский переводчик*. Охарактеризованный в предисловии как «гигантская фреска умирающего капита-

* См.: F Gibault. Ceéline. Délires et persécutions. Paris, 1985. P. 130.

лизм»*, роман за два года выдержал три издания общим тиражом более 60 тысяч экземпляров и получил значительный резонанс в советской критике.

Его появление не обошли своим вниманием «Правда», «Литературная газета», «Новый мир» и другие влиятельные советские периодические издания. В целом роман был воспринят достаточно благожелательно. Большим поклонником творчества Селина был, как известно, Лев Троцкий, написавший, уже в изгнании, большую статью, посвященную его творчеству, — «Селин и Пуанкаре»**. По неподтвержденным данным, русский перевод романа «Путешествие на край ночи» был выполнен Эльзой Триоле по личной просьбе Троцкого. Однако на состоявшемся в 1934 году Первом съезде Союза писателей, где присутствовали Андре Мальро и Луи Арагон, Горький заявил, что на примере этой книги видно, что «буржуазное общество полностью утратило способность интеллектуального восприятия искусства», а главный герой романа — Бардамю — «не имеет никаких данных, чтобы примкнуть к революционному пролетариату, зато совершенно созрел для принятия фашизма»***.

Тот факт, что роман был опубликован в Советском Союзе со значительными купюрами, был воспринят Селином крайне болезненно и побудил его порвать

* См. предисловие И. Анисимова в кн.: Л.-Ф. Селин. Путешествие на край ночи // Пер. с фр. Эльзы Триоле. М., Госиздат, 1934.

** См.: Cahier de l'Herne. Céline. Leon Trotsky. Céline et Poincaré. P 241. Ed. De l'Herne, 1963–1965–1972.

*** Цит. по Литературной энциклопедии. Т. 6. М., 1971. С. 734.

всякие отношения с Эльзой Триоле и Луи Арагоном, которых он считал виновниками искажения текста.

В 1935 году во Франции выходит второй роман Селина — «Смерть в кредит». На русский язык он не переводился, однако получил крайне негативные отклики в советской критике, которая охарактеризовала его как «произведение анархистское, циничное, нигилистическое»... Сам же Селин клеймится как писатель «глубоко антигуманный», выразивший в своем творчестве «презрение к человеку, человечеству, жизни»*.

И все же посещение Селином СССР состоялось. Он прибыл в Ленинград осенью 1936 года. Однако в отличие, например, от Андре Жида, который был официально приглашен советским правительством, путешествовал по всей стране в специальном вагоне в сопровождении пяти писателей и даже удостоился чести во время похорон Горького стоять на трибуне Мавзолея рядом со Сталиным и Молотовым, Селин приехал в Советский Союз в качестве простого туриста и смог побывать лишь в Ленинграде.

Знакомство Селина с советской действительностью 1936 года вызвало у него крайне отрицательную реакцию, что нашло свое отражение в небольшом эссе «Mea culpa» и скандально известном памфлете «Безделицы для погрома»**.

* Первое русское издание этого романа: Селин Л.-Ф. Смерть в кредит. // Пер. с франц. Т. Кондратович. М., 1994.

** См.: Безделицы для погрома: Ленинград 1936 года глазами писателя Луи-Фердинанда Селина // Предисловие, перевод с французского и примечания Т. Н. Кондратович и В. В. Кондратовича. В сб. «Невский архив», СПб, Феникс, 1995.

ведений во Франции окончательно поссорила Селина с советским правительством: на его имя и творчество был наложен запрет, который длился до самого последнего времени.

Примерно к 1939 году относится знакомство Селина с танцовщицей парижской Оперы Люсетт Альманзор, ставшей его женой и разделившей с ним все тяготы последнего периода его жизни (в трилогии Селин называет ее Лили).

А дальнейшая судьба писателя сложилась трагически. Скандальные расистские памфлеты. Сомнительное поведение в период Второй мировой войны. Бегство в Данию после ее окончания. Суд. Тюрьма. Ссылка. Годы забвения, одиночества, и снова шумный литературный успех, связанный с появлением романа «Из замка в замок» (1957), первой частью трилогии, в которую вошли также романы «Север» и «Ригодон».

Все книги Селина в той или иной мере являются автобиографическими. Не составляет исключения и роман «Из замка в замок», который он писал в Медоне и завершил в 1956 году.

Этот роман можно было бы озаглавить «Край ночи». События, описанные в нем, охватывают период с 1944 по 1956 год, время после крушения коллаборационистского правительства Виши. Замки, о которых говорит Селин, в действительности являются странными, кошмарными призраками, имя которым Война, Ненависть, Нищета. Три раза Селин оказывается обитателем замка: на юге Германии в Зигмарингене, в компании маршала Петэна и его министров, в Дании, где он в течение 18 месяцев находит-

ся в заключении в тюрьме, а потом еще несколько лет на разрушенной ферме, и, наконец, в пригороде Парижа Медоне, где он практикует в качестве врача и где всю его клиентуру составляют несколько таких же нищих, как он сам, пациентов.

Селин вместе со своей женой покинули Париж и прибыли в Зигмаринген в начале ноября 1944 года, то есть примерно через два месяца после того, как туда переехало большинство членов правительства Виши. Для лучшего понимания описываемых Селином в романе событий необходимо хотя бы в общих чертах описать существовавший в тот момент в Зигмарингене расклад политических сил.

В замке и баварской деревне Зигмаринген, бывшем родовом имении Гогенцоллернов на юге Германии, в сентябре 1944 года немцы собрали большинство французских политических деятелей, составлявших костяк коллаборационистского правительства Виши. Однако далеко не все они оценивали свое положение одинаковым образом. Так, например, маршал Петэн считал себя пленником немцев и практически полностью отошел от дел, общаясь лишь со своим персоналом. Премьер-министр правительства Виши Пьер Лаваль, также привезенный в Зигмаринген против своей воли, придерживался той же линии поведения. В таком же положении находились еще несколько приближенных к нему высокопоставленных чиновников: министр промышленности Жан Бишлонн, министр национального образования Абель Боннар, министр юстиции Морис Габольд, министр печати Поль Марион и др. Этой группе противостояло несколько

«активных» политических деятелей, продолживших сотрудничество с Германией: Фернан де Бринон, Жозеф Дарнан, Жак Дорио, Марсель Деа и др. Они входили в состав так называемой «Правительственной делегации в защиту национальных интересов», созданной по инициативе Гитлера и Риббентропа с целью в дальнейшем сформировать на ее основе новое правительство во главе с Дорио. Между «активными» и «пассивными» отношения были практически полностью разорваны, хотя они жили в одном месте и вынуждены были часто встречаться. Несмотря на это, обе эти группы официальных лиц зимой 1944–1945 года находились в привилегированном положении, расположившись главным образом в замке. Петэн занимал верхние этажи, Лаваль и члены «Делегации» жили ниже. Впрочем, все они в равной степени были обречены.

Совсем в других бытовых условиях находилась остальная масса беженцев, расквартированных в домах и подвалах прилегавшей к замку деревушки. Их число приближалось к двум тысячам (у Селина их 1142). По большей части это были «неявные коллаборационисты», съехавшиеся сюда со всех концов Франции. Многие из них хотя и не занимали официальных постов, но все же были достаточно известны: литераторы, художники, журналисты, лидеры политических партий. К их числу принадлежал и Селин, продолжавший там работать в качестве врача, — впоследствии был вынужден заниматься этим практически до конца жизни. Состояние, в котором пребывали все эти окруженные и практически обреченные на смерть люди, можно без труда себе представить.

Вот, например, как описывает свою встречу с Селином один из французских беженцев, прибывших в то время из лагеря неподалеку от Зигмарингена. Это свидетельство особенно интересно, ибо принадлежит человеку, который до того момента с Селином был незнаком. «С нами заговорил какой-то странный тип. Он был высокий, худой, и его сверкающие светлые глаза, глубоко посаженные под огромными кустистыми бровями, светились беспокойным светом. Когда он смотрел на вас, его зрачки застывали и казалось, что его глаза постоянно вас о чем-то вопрошают. Он был одет в застиранную, когда-то коричневую, куртку, и темно-синие панталоны, болтавшиеся на его тощих ногах. У него на шее на веревочке висели две огромные кожаные меховые рукавицы, а в левой руке он за ручку держал объемистый саквояж, в котором были проделаны дырочки для доступа воздуха. В этом саквояже — я узнал это позже — он носил огромного кота. Таков был странный наряд этого типа; что же касается кота, это была замечательная тварь, я не мог оторвать от него глаз. Он был размером почти с ягненка, и, честное слово, казалось, он очень доволен, что прогуливается в подобном экипаже: забавная тварь... Это были Луи-Фердинанд Селин и его кот Бебер. Скороговоркой, не прерываясь, даже чтобы выслушать ответы, он стал расспрашивать меня, что побудило меня явиться в Зигмаринген. Его удивляло мое решение приехать в это осиное гнездо. В живописной манере, употребляя неожиданные выражения, и с неизменным лукавством он набросал мне картину военного положения, как оно ему представлялось: «... у меня такое впечатление,